

Бочаров, Г. Поле жизни / Г. Бочаров // Звезды подвига : На земле Афганистана / Сост. И. М. Дынин. – М.: Воениздат, 1985. – С. 181–191.

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Гвардии старший сержант Николай Петрович Чепик родился в 1959 году в деревне Червоный Май Белорусской ССР. Коротка его биография. Окончил среднюю школу. Работал монтером на Минской дистанции пути. Был призван в Советскую Армию, направлен в воздушно-десантные войска. Стал сапером, заместителем командира взвода. За подвиг, совершенный на земле дружественного Афганистана, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Сквер, цветы, бюст. На бюсте имя: Николай Чепик. Возраст – 20 лет.

Бюст отлит из металла: гордо поднятая голова, лихо заломленный берет десантника. На груди – Звезда Героя Советского Союза.

Мы могли познакомиться с ним в Кабуле – были там в одно и то же время. Не пришлось. И вот – бюст. Каким он был – старший сержант Николай Чепик? Как жил? Что остается от жизни длиною всего в 20 лет?

Подразделение, в котором он служил в Афганистане в составе ограниченного контингента советских войск, находилось в одной из восточных провинций страны. Здесь участились нападения душманов на мирных жителей, поджоги школ, мечетей, зверские убийства.

В ту зиму даже в Кабуле было беспокойно. Я жил в самом центре города, рядом с бывшей резиденцией королей и последнего из них – Дауда. Ночные снегопады не заглушали выстрелов, а слово «душманы» слышалось чаще других.

С Чепиком в Афганистане мы видели, в сущности, одно и то же. Но воспринимали, конечно, по-разному.

Мне к тому времени уже приходилось видеть разрушенные американскими бомбами дома и улицы в Ханое, развороченные долины Лаоса, истерзанную короткой, но кровопролитной войной Дакку, огонь диверсий на Африканском континенте – в Анголе.

Журналисту выпадает многое. А Николай Чепик попал в Афганистан, не зная ничего подобного: он вырос в спокойной, мирной обстановке.

Я встретил первых душманов в Кабуле. Он – в провинции. Он увидел душманов не безоружными, как я, а вооруженными. Увидел наемников, пришедших из-за гор, недалеко от глухого, промерзшего ущелья.

Душманы напали на них перед рассветом. Подло, коварно и внезапно. Когда я пытаюсь представить себе то мрачное утро, передо мной не проблески света и не снег, перемешанный с грязью, а глаза наемников – кипящая кровь с пеплом. Старший сержант Чепик и его товарищи не отступили. Николай знал, что делать в первые секунды, а что – в последние. Прикрывая своих товарищей от душманов, Николай Чепик совершил подвиг.

Ему было двадцать лет.

Бюст, у которого я стоял теперь на его родной белорусской земле, жители деревни Блужа установили рядом с обелиском партизанам, погибшим в борьбе с фашистами.

Бюст, понятно, не мог ответить на главный вопрос: каким был Чепик? Я спрашивал об этом у людей, хорошо его знавших. Понимал – многие будут употреблять слова, без которых в рассказе о подвиге не обойтись: долг, самоотверженность, патриотизм, бесстрашие... Но одних этих слов – при всей их справедливости и значимости – недостаточно. Человек сложнее слов, которыми его характеризуют. Сколько мы знаем уже описаний, наблюдений и исследований на этот счет, а вопросы – как и кто становится героем? – продолжают задаваться вновь и вновь. Потому что вновь и вновь совершаются подвиги. И каждый раз – новые. И каждый раз – иными людьми.

Никто, с кем я разговаривал, не сказал: «Я чувствовал, что Чепик станет героем». Никто не придумывал легенд и не старался приукрасить солдата. Говорили как есть – правду. А правда состояла в том, что до армии Николай был обычным молодым человеком. Был как большинство: славный, прямой, добрый парень.

Родители Николая – простые рабочие люди. Татьяна Петровна – колхозница. Петр Антонович – тракторист. Сейчас – в «Сельхозтехнике».

В их доме я не задавал никаких вопросов. Когда Татьяна Петровна говорила о сыне – слушал. Когда молчала – молчал. Колины письма читали вместе. Я читал, а она перечитывала. Татьяна Петровна не выбирала писем – эти можно читать, а эти нельзя. Она лишь разбирала их, раскладывала на диване, пряча слезы, смешивала, взъерошивала и передавала мне. Я брал письма: на каждом конверте стояла крупная цифра – письма помечали, чтобы знать, какое пришло раньше, а какое – вслед за предыдущим. Память о его службе.

«Дорогие мама и папа, у меня отличные друзья...»

«Вчера получил письмо от подружки, она просит, чтоб я заехал к ней по пути. Ее зовут Таня...»

«Мне присвоили звание старшего сержанта...»

Судя по номерам – ближе к последним. Так и есть:

«Подготавливайте мой костюм, осталось чуть-чуть... если найдутся хорошие ботинки, то купите... Размер тот же, какой я носил дома».

«На это письмо мне не отвечайте, через 10 минут уезжаю. Крепко-крепко целую».

Сын писал часто.

В одной из комнат новой квартиры, полученной ими уже без Николая, на двух противоположных стенах я заметил два больших фотопортрета. Татьяна Петровна сказала: «Сделали недавно». На обоих портретах Николай был переснят с армейской фотографии – в форме десантника. Я подошел, присмотрелся: портреты были совершенно одинаковыми. Но и разными: один цветной, а другой черно-белый.

С двух сторон дороги, по которой я возвращался в Минск, лежали перепаханные поля. Над полями летали быстрые птицы. Черно-белый мир поздней осени уже властвовал всюду. Но я думал о другом. О том, что в жизни Героя Советского Союза Николая Чепика все помечено печатью юности, ее весенними красками. И лишь память о бюсте заставляла забыть о возрасте. А если забыть о его возрасте, увидишь главное – судьбу зрелого мужчины. Судьбу, в которой было все: учеба, работа, любовь, служба и ратный подвиг.

Февральские ночи в афганских горах не просто темны. Они аспидно-черны. Снег черный, небо черное, ветер черный – время для черных дел.

Старший сержант Николай Чепик и его товарищи видели близкое пламя. Один из них рассказал мне: пламя поднималось над домами соседнего селения. Красный конус пожара был виден отовсюду. Наемники терзали кишлак давно. Убийства и грабежи не прекращались. В эту ночь они подожгли дуканы. «Если нож – брат душмана, то ночь – его сестра», – говорил Вадим Ким, армейский друг Николая Чепика.

Бывший его командир, старший лейтенант Павел Агафонов, писал родителям Николая:

«То, что мы увидели в провинции, потрясло нас. Банды наемников, заброшенных из-за границы, по своей жестокости, наверное, превосходили даже зверства немецких фашистов. Вы, Татьяна Петровна и Петр Антонович, как жители Белоруссии, знаете это по прошедшей войне. Но и нам, молодым людям, воспитанным в духе ненависти к фашистам всех мастей, было тяжело это видеть».

...Ночь, в конце которой на них напали, была снежной и ветреной. Некоторые вспоминают: накануне вечером Николай Чепик был один; он стоял на снегу и смотрел в темноту. А в армии остаться одному даже на несколько минут не так-то просто: ты всегда рядом с кем-то. Но, может быть, Николай действительно стоял какое-то время один. Может быть. Когда человек один, он думает чаще всего о том, о чем среди людей думать трудно. Николай мог думать о многом – сказать, о чем именно, невозможно. Но не о смерти. Это точно.

Дом, в котором он вырос, замыкал их длинную деревенскую улицу. Дальше шел лес.

В деревне Червоный Май мне говорили: в доме Чепиков все было ладно и прочно – и люди, и стены. Дети – дочери Анна, Валя и сын Николай – росли на виду у всей деревни. Люди знали: дети растут трудолюбивыми и добрыми, приветливыми и честными.

Детство в двадцатилетней жизни – полжизни. Рассказывает отец, Петр Антонович:

– Я пахал поле, смотрю, приближается кто-то маленький, как заяц. Коля! Поднял его в кабину, а он совсем без сил. Тут же, под грохот, в кабине и уснул. Два километра по следу моего трактора отшагал. Для пяти лет – расстояние!

Нетрудно представить себе картину: огромное вспаханное поле и одинокий ребенок на нем. Трудно представить другое: что должен был пятилетний человек испытывать перед бесконечностью огромного поля?

Я провел немало времени в школе, где Николай учился. Хотелось найти истоки, предпосылку, намек: вот то, что проявилось впоследствии с такой яркостью и силой. Ничего! Я не сторонник того, чтобы пятерку, полученную человеком в пятом классе, связывать с орденом, полученным им в 50 лет. Не о школьных оценках речь. Речь о другом: о человеческих качествах маленького человека, из которого очень быстро вырастает большой.

Сегодня известно, кем он стал в свои 20 лет. А кем бы мог стать в 40 или 50 – неизвестно. Этого не знает никто, об этом можно только гадать. Ему не прочили блестящего будущего – в сельских школах пророчество еще не набрало городских оборотов. Он был честным, трудолюбивым, порядочным парнем, обычным учеником. Нормальным! Мне кажется, что именно здесь, в устойчивой, добротной нормальности, и зарождаются, вызревают энергия, благородство и самоотверженность, которые при определенном стечении обстоятельств проявляются как подвиг. Биографии большинства героев подтверждают это.

Под музей Николая Чепика в школе отведена классная комната. Школа и музей находятся довольно далеко от Минска – около 100 километров. Но приезжают сюда многие. Вот уже

побывали и зарубежные гости – из Лаоса, Вьетнама, Сальвадора, Афганистана. География, конечно, неслучайная.

Можно сказать, что Николай Чепик вернулся в свою школу. И вернулся не один: школу уже узнали и еще узнают тысячи людей из разных мест страны и мира. Тысячи мальчишек увидели и еще увидят его бинокль, его форму десантника. Тысячи прочитают его письма и услышат о подвиге. И в глубине души «примерят» его подвиг на себя.

Что остается после человека, прожившего на земле только 20 лет? Многие, если не все, материальные следы исчезают бесследно. Память о подвигах – никогда.

Может быть, Николай действительно, как говорили некоторые, оказался в последний вечер один – пусть даже на несколько минут. Если это так, он вполне мог размышлять о мире, в который попал. Почему нет?

Мир, окружавший его, был совершенно не похож на тот, в котором он вырос. Например, Николай никогда не видел даже средних гор. Здесь же перед ним громоздился величайший каменный узел планеты, сходились горные хребты Гималаев, Гиндукуша, Памира и Куньлуня. Какие чувства он испытал, увидев эти вершины? О чем думал? С чем сравнивал? Что вспоминал?

Я вижу его, двадцатилетнего солдата, стоящего перед громадным, миллиардотонным нагромождением скал, уходящих в небо, а вспоминаю пятилетнего мальчика, оказавшегося перед пустым, ровным и бесконечно огромным полем своего отца. Здесь – Николай. Там – Коля. Перед лицом неведомого. Может быть, это – и бесконечное поле, и величайшие горы – символы человеческой судьбы?

Может быть.

Все, что окружало его в последний вечер жизни, было чужим: природа, обычаи, нравы. Но это естественно: человеку близок лишь тот мир, где он вырос и сложился, где находятся все его корни. А в чужом? Что может быть близким в чужом мире?

«Каждый из нас, друзей вашего сына, попав в незнакомую страну, был готов выполнить свой интернациональный долг перед революционным народом Афганистана. Нам близки свободолюбивый дух этого народа, его революционные идеалы».

Вот и ответ.

Год работы монтером на Минской дистанции пути – весь трудовой стаж Николая. При обычном течении жизни – мгновение. При двадцатилетней – долгий и важный период.

Когда Чепик пришел на 7-й околоток пути, бригадир, Герой Социалистического Труда Иван Иванович Павлович, предложил:

– Покажи руки. Николай показал.

– Вопросов нет, – сказал бригадир и засмеялся. Мозоли на руках вчерашнего десятиклассника были такими же, как и у бригадира, такими же, как и у отца. Каждое лето до глубокой осени Николай постоянно возился на колхозных полях. В учебное время – так же постоянно – он садился за рычаги отцовского трактора. Рассказывает И. И. Павлович:

– Коля пришел ко мне в бригаду не навсегда – только на год, до службы. А казалось – навсегда. Он не был временным... Случается ведь, что человек работает с тобой десятки лет, а кажется – вот-вот уйдет... Коля был другим!

Что сказать о рабочем человеке Николае Чепике? Ни по стажу, ни по возрасту он не был кадровым рабочим. Но по своей внутренней сущности, по отношению к делу был именно им – рабочим, которого называют кадровым.

Не сложись его судьба иначе, он мог бы стать одним из лучших путейцев – разве этого мало?

...Они прощались тепло, и память сохранила те минуты.

– Ее заберешь с собой? – спросил бригадир.

– Если бы можно было, забрал. – Коля провел ладонью по шерсти собаки, которая ходила с ним вдоль полотна и в снег, и в дождь. – Да нельзя.

– Оставишь дома?

– Дома есть. Оставлю, Иван Иванович, вам. На ваше попечение.

Пес терся о ноги Коли, а Коля говорил: «Проверим, забудешь меня или нет».

Бой в горах очень сложен. Здесь камень вполне может выглядеть как человек, а хорошо замаскировавшийся человек может выглядеть как настоящий камень. Шум воды, гул и завывание ветра в ущельях, осыпи гальки под копытцами диких коз – все заглушает, затушевывает и смазывает звуки врага, и ты не знаешь, откуда он к тебе подойдет. Опытный человек даже в сети расщелин видит ружейный прицел, безошибочно определяет расстояние до него и в следующее мгновение, как правило, бьет. Тот, кто находится в засаде, тоже, конечно, видит и чувствует момент, в который оказывается обнаруженным. Теперь уже решают скорость стрельбы, быстрота реакции – ты первый или он первый.

Некоторые фрагменты боевых уроков в горах я видел вблизи – в афганской части. Группа Николая Чепика отражала нападение душманов также в горных условиях.

Служба – последний период жизни Чепика. Николай прошел службу, по существу, полностью. До увольнения оставалось всего два месяца.

Уже в первый год вместе с опытными саперами Николай обезвреживал бомбы и снаряды, оставшиеся со времен войны. А потом ему довелось обезвреживать заряды на афганской земле. Душманы устанавливали их повсюду – на дорогах, на тропах, в домах, даже в больницах.

Ничто, наверное, не ускоряет взросление человека с такой стремительностью, как смертельная опасность, оказавшаяся рядом.

Строки из письма Павла Агафонова:

«Николай пришел ко мне во взвод из учебного подразделения. Он очень скоро стал настоящим солдатом – у саперов раскочка короткая. Его старательность, добросовестность и воля были видны всем. Почти год был моим заместителем, помогал мне во всем. За свой честный тяжелый солдатский труд не раз поощрялся командованием части. Он обладал повышенным чувством долга».

Бывший сослуживец и один из его командиров офицер Василий Крачко рассказывал. Они следовали к месту дислокации на боевых средствах, а саперы – в том числе Чепик – на газике. Николай, как заместитель командира взвода, сидел в кабине. Смеркалось. И вдруг всматривающийся в сумерки Николай ясно увидел – из-за дувала в водителя головной машины целится снайпер-душман. Чепик сориентировался мгновенно: выстрел душмана опоздал на долю секунды. Через 300 метров – новый замаскировавшийся спайпер. И история повторилась – Чепик

заметил и этого. И снова опередил. Засада, которая затевалась наемниками по всей дороге, была расстроена, парализована. Командир обнял Николая, сказал: «Герой!»

Николай отшутился. А когда узнал о решении командования части представить его к ордену Красной Звезды, удивился. Искренне недоумевал – за что?

Армейская служба Николая проходила успешно: курсант учебной роты, командир саперного отделения, заместитель командира взвода. Мечта сбылась: он десантник! На плечи молодого десантника ложатся огромные нагрузки. Это знают все. Но на плечи сегодняшних восемнадцатилетних выпадают не только такие нагрузки. Тяжелым грузом легли и другие – неведомые моему поколению, вступившему в самостоятельную жизнь спустя десятилетия после Великой Победы.

Что имею в виду? Прежде всего степень угрозы новой войны. Мир, при котором мы сегодня живем и работаем, сохраняется наряду со многим другим и усилиями восемнадцатилетних ребят, ровесников Николая Чепика, несущих трудную солдатскую службу в небе, на море, в горах, на границах. А границы мира как линия фронта. И линия эта проходит через все континенты Земли, в том числе и через Афганистан.

Наступает момент, и рядовой представитель своего поколения – в данном случае Николай Чепик, а мог бы быть и кто-то другой – показывает, на что он способен. Выполняя долг, он совершает подвиг.

Но вот жизнь обрывается. Обрывается в 20 лет. И после горького потрясения мы задаем вопрос: что оставил после себя Николай Чепик? И отвечаем – многое.

Он сохранил жизнь тем, кого защитил ценою собственной жизни. Это вершина возможного.

Он навсегда остался в памяти тех, кто его знал. Но не только. Его образ, его имя уже зажили иной, не убывающей, а нарастающей жизнью. В сорока школах его Пуховичского района оформлены уголки Героя.

Двадцать три пионерских отряда района завоевали право носить его имя. Молодежь посадила аллею Чепика – я ее видел: 365 деревьев!

Известный белорусский композитор Игорь Лученок написал песню, посвященную Николаю. Есть в ней такие слова:

Ради жизни, не ради славы
Ты упал на сгоревшие травы.
Словно нить порвалась тугая...
Журавлиная дрогнет стая,
Но продолжит путь в поднебесье.
А герой останется в песнях!

Кстати, Лученок – земляк Чепика. «Я не раз выступал в их деревенском клубе, – рассказал мне композитор. – А клуб, как вы видели, стоит почти рядом с бывшим домом Коли. А Коля, как вам, наверно, говорили, остеклил окна клуба...»

В Белоруссии много комсомольско-молодежных коллективов, в которых Николай Чепик значится как член бригад и звеньев. Я был в производственно-техническом объединении «Интеграл» имени XXV съезда КПСС г. Минска. Видел рабочее место героя. Именно рабочее – оно не пустует. Сменяя друг друга, здесь трудятся члены молодежного коллектива. Рядом с

портретом Николая Чепика – точные цифры выработки каждого, кто работает на этом почетном месте.

– Как закрывается наряд? – спросил я у Нины Ананич, секретаря комсомольской организации.

– Как и любому действующему работнику, – ответила девушка.

– А деньги? Как распоряжаетесь деньгами, которые таким коллективным образом зарабатываете?

– Как и все в республике – передаем в Советский Фонд мира. Мы перечислили за год 850 рублей. Деньги Николая Чепика. Но год еще не окончился...

В известном смысле и после своей гибели советский солдат-интернационалист продолжает служить высшим интересам и целям людей – миру на земле, свободе, счастью. Его чтут и помнят! Но это не просто символическая память и не просто почетное место, отведенное герою в нашей духовной жизни. Это действующая, жизнеутверждающая, активная память. Память молодого поколения о своем ровеснике – ровеснике-герое, поставленном Отчизной в один ряд с лучшими ее сыновьями и дочерьми, героями войны и труда.

Вот и еще один ответ на вопрос, что остается после человека, прожившего на земле только двадцать лет.

Срок его службы подходил к концу. В армии он узнал многое. Он узнал новый уровень ответственности, который познается только в армии.

В армии он почувствовал возможности человека – его силу, его власть над собой, над техникой, над ситуациями.

В армии он приобрел навыки, которые не только украшают мужчину, но и необходимы ему.

В армии он узнал крепость дружбы, которая возникает между людьми, еще вчера не знакомыми друг с другом.

Что можно еще сказать о военной службе Николая Чепика? Главное о ней он сказал сам. Ее итог – его подвиг.

Душманы напали на рассвете. Заснеженный каменный гребень был последней передовой старшего сержанта Николая Чепика. На то, чтобы принять решение, он затратил не больше секунды – это можно утверждать с полной определенностью.

Он видел, как большая группа душманов уже приближалась к ним со всех сторон, живое кольцо сжималось все плотней, и вот уже одна, а затем вторая пуля пробила его ноги. Пули свистели над головами его друзей – солдат, соотечественников, а за солдатами, дальше, находились жители крошечного, «забытого» мусульманским богом селения, в котором дотлевали дуканы. И Николай принял решение: собой, своей жизнью прикрыть всех, кто находился за его спиной. Знал – погибнет и сам.

Оглушительный взрыв прокатился над землей. Тридцать стреляющих душманов свалились замертво, остальные обратились в бегство.

Последнее, что он мог увидеть, были вершины Гиндукуша, а над ними огромное – до самой Родины – светящееся небо.